

**МЕРА ВСЕХ
НАУК**

ЭКСПЕРТИЗА НАУКИ, ЭТИКА ЭКСПЕРТИЗЫ. НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ ИДЕЙ Б.Г. ЮДИНА

14 сентября этого года, на 40-й день после смерти члена-корреспондента РАН Бориса Григорьевича Юдина, одного из создателей и бессменного главного редактора нашего журнала, в Институте философии РАН состоялся семинар, посвященный его памяти. Тема семинара — настоящее и будущее идей философа, их место в современной науке, влияние на развитие исследований в будущем. По замыслу организаторов, семинар должен положить начало регулярным Юдинским чтениям, на которых важнейшие проблемы, занимавшие Бориса Григорьевича, рассматривались бы в их развитии, а новые достижения биоэтики — в связи с его идеями.

Семинар открыла заместитель директора Института философии, доктор философских наук **Юлия Владимировна Синеокая**.

Дорогие друзья, мы сегодня собрались на семинар, посвященный Борису Григорьевичу Юдину — человеку, проработавшему в нашем институте практически полвека, человеку, которого любили все, уважали все, человеку огромного достоинства. Для меня, и, думаю, не только для меня Борис Григорьевич ассоциируется с радостью, жизнелюбием, добротой. Это человек, чьи слова и исследования помогают не только жить, но и достойно уходить из жизни. Это тот редкий случай, когда человек и пишет так, как живет — деятельный, мужественный человек. Исследования, которые он вел, воплотились в его жизни и в его уходе — для меня это очевидно. Борис Григорьевич уже давно был болен, и близкие, разумеется, знали об этом, но в Институте оказалось немало людей, поразившихся: как неожиданно это случилось — настолько

стойко и по возможности внешне невозмутимо он противостоял болезни. Немалая часть и московского, и российского научного сообщества сорок дней назад ощутила чувство сиротства. Я говорю и об Академии наук, где Борис Григорьевич был членом-корреспондентом, и о нашем институте, где он на протяжении своей жизни плодотворно трудился, возглавлял различные подразделения, и о Московском Гуманитарном университете, где остались его коллеги, ученики, которые его помнят и любят. С его именем связаны целые области исследований. Это и эпистемология, и философия науки, и этика науки. Это философия как экспертиза — важнейшее направление, над которым он работал последнее время. За всеми этими словами и темами скрывается еще одна важная вещь. Мне кажется, что главная сила Бориса Григорьевича и как талантливого исследователя, и просто как умного человека — это обращенность в будущее. Он постоянно шел вперед, и все его исследования, все его

частные беседы, публичные выступления всегда были ориентированы на то, что грядет. И главная идея нашего сегодняшнего семинара — что идеи Бориса Григорьевича дали и дадут будущему.

Рубен Грантович Апресян — доктор философских наук, профессор, руководитель сектора этики Института философии РАН.

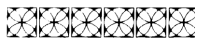
Почему я связываю имя Бориса Григорьевича с близкой мне по роду деятельности этикой, хотя он не позиционировал себя специалистом в этой области? В ходе нашей совместной работы над несколькими проектами и просто встреч, пересечений на разных дискурсионных площадках у меня возникло стойкое впечатление о Борисе Григорьевиче как о совершителе неких изменений в этическом мышлении, в этическом пространстве. Но когда я, готовясь к этому выступлению, заглянул в список публикаций Бориса Григорьевича, я с удивлением обнаружил, что “этики” там, вроде бы, нет. Ни одна работа не была посвящена “этике” в собственном смысле этого слова — даже этике прикладной. Этическая проблематика у Бориса Григорьевича развивалась как бы “на полях” его работ, параллельно основным интересам. Наверное, поэтому не все “записные этики” воспринимают Бориса Григорьевича как “факторного автора”.

Во многом дело тут в понимании морали. Видимо, то, что делал Борис Григорьевич, очень подходит моему пониманию морали, а оно, в свою очередь, — его восприятию этого предмета. Я исхожу из того, что мораль — это система ценностей, посредством которых люди в своих поступках ориентируются на благо других и на благо социума. Ценностная составляющая морали для меня является приоритетной по отношению к императивной составля-

ющей. И именно это я нахожу уже в книге “Этика науки” [5]. Этика науки в трактовке Бориса Григорьевича — разумеется, в соавторстве с Иваном Тимофеевичем Фроловым — это социальная ответственность, человекоориентированность науки. И позднее во всех обсуждениях, в его обзорах различных проблем, дискуссиях его с участием отчетливо заметна гуманистическая доминанта.

Интересно, что в том же 1985 году, когда появилась упомянутая работа, в Ленинграде под таким же названием “Этика науки” вышла книга М. Г. Лазара. У них разные подзаголовки: работа И.Т. Фролова и Б. Г. Юдина имеет подзаголовок “Проблемы и дискуссии”, а книга М.Г. Лазара — “Философско-социологические аспекты взаимоотношений науки и морали”. Лазар уделяет морали гораздо больше внимания, там отдельная глава посвящена ее природе, тому, как она функционирует и т.д.; другие главы касаются этических кодексов — Лазар был одним из разработчиков первых кодексов профессиональной, в частности, научной этики. И сам Лазар понимает, что занимается, скорее, социологическими аспектами науки. А вот книга Фролова и Юдина — это общеполитическая этика науки.

Кстати, примерно в это же время выходит книга А. А. Гусейнова “Введение в этику”, и там Абдусалам Абдулкеримович выдвигает новое понимание морали как меры человечности общественных отношений. Для меня эти определения: человекоориентированность науки, мораль как человеческая составляющая и человеческая “качественность” общественных отношений — передают какое-то общее умонастроение. Интересно, что еще в 1973 году состоялся круглый стол “Наука, этика и гуманизм”. Борис Григорьевич там не выступал, но писал об этом круглом столе в книге

“Этика науки” и пересказывал слова Эрика Григорьевича Юдина о том, что наука причастна целям человека и это порождает ее связь с нравственностью и ценностями. Мне кажется, идея эта была воспринята в книге “Этика науки”, и представленное там понимание предметности этики науки перекликалось со сказанным на круглом столе Эриком Григорьевичем.

Конечно, Борис Григорьевич гораздо больше известен как специалист по философии науки, философии научной деятельности, философии биомедицины и, в частности, биоэтике, которую он и его соратники понимают не просто как прикладную этику. В последние годы он занимался проблемами гуманитарной экспертизы. И, как мне кажется, в каждой из этих исследовательских областей Борис Григорьевич обращается именно к тем практикам, которые связаны с задачами и смыслом морали, к тому в этих практиках, что сориентировано на человека. И даже такая эта связь неочевидна, она вскрывается и рассматривается в динамике. Когда, обсуждая идею этого семинара, Григорий Борисович Юдин предложил “проследить влияние Бориса Григорьевича в разных областях науки”, я ответил: проследить такое влияние пока невозможно. И не потому, что для этого нужна временная дистанция, а потому, что мы все — вместе с Борисом Григорьевичем — вовлечены в продолжающиеся дискуссии, в обмен мнениями.

Если вернуться к тому, с чего я начинал, я снова подчеркну: Бориса Григорьевича я воспринимаю в связи с изменениями этики, хотя сам он, скорее всего, все не собирался что-то в ней менять — он об этом просто не думал. Но я имею в виду не столько расширение предмета этики, сколько изменение устано-

вок этического исследования, перенаправление их на человекоориентированные практики, на человекоориентированность практики. Что очень важно, он последовательно утверждал идею коррекции, фокусирования оптики социальных практик на человеке. Именно таким образом видится и особенно занимавшая его в последнее время тематика — гуманитарная экспертиза. Понятно, что подобные установки трансформируют само этическое исследование, предполагают его междисциплинарность. Я совершенно согласен с тем, что сказала Юлия Владимировна об идее проведения семинара памяти Бориса Григорьевича именно как научного семинара. Этот замысел соразмерен личности Бориса Григорьевича, его роли и месту в нашей философии, науке. Нужно приложить все усилия, чтобы память о Борисе Григорьевиче была бы работающей.

Владислав Александрович Лекторский — доктор философских наук, академик РАН, главный научный сотрудник сектора теории познания Института философии РАН.

Борис Григорьевич был моим другом, знал я его много-много лет, мы когда-то вместе работали в “Вопросах философии”. Есть у нас с ним общие работы. Я хотел бы выделить два момента в его деятельности, которые мне кажутся очень важными. Об одном уже говорил Рубен Грантович — это касается книги “Этика науки”. Это было первое исследование такого рода в нашей литературе. До того казалось: наука — наукой, этика — этикой; ученый, конечно, придерживается каких-то этических норм, но это не касается самой науки. Но вот оказалось, что в самой своей работе ученый порой упирается в этические проблемы и бывает

Зал заседаний
Ученого совета
Института
философии РАН.
14 сентября
2014 года

вынужден отказываться от исследования. И что здесь важнее: интересы научного исследования или этические соображения? Здесь мы наталкиваемся уже на запрет на исследования или, в лучшем случае, на рекомендацию отложить проект на неопределенный срок. И утверждавшая это “Этика науки” была для того времени пионерской работой. По крайней мере, в нашей литературе.

А потом Борис Григорьевич занялся проблемами человека, возглавил соответствующий институт, а позже отдел в Институте философии, и мне часто приходилось обсуждать с ним эти проблемы и выступать на соответствующих форумах. А в последние годы жизни Борис Григорьевич вышел на проблематику, которая, с моей точки зрения, является главной не только для философии, но и для всех современных наук. Речь идет о будущем человека, о том, что его ждет, куда мы идем. Мы ведь живем в безумном мире. Дело даже не в неожиданности, непривычности окружающего. Дело в том, что наши ориентиры, выработавшиеся векам, просто перестают работать. Мы просто не знаем, как себя вести. Причина не только в тех процессах, которые мы разбудили. Сегодня на-

чинают экспериментировать над самим человеком. Речь идет уже о трансформации человеческой телесности и психики. Раньше это было запрещено. А сегодня человек получил свободу, которой никогда не располагал. Кант — великий философ свободы. Но он считал, что с человеком экспериментировать нельзя — здесь свобода кончается. А сейчас задумываются любые опыты. На повестке редактирование генома, о чем, кстати, писал Борис Юдин [7]. У нас в институте недавно академик К. Скрябин говорил, что скоро можно будет редактировать генную карту человека, и тогда наступит “великая гуманитарная революция”. Значит, нужно будет пересматривать какие-то исходные нормы, те, без которых человек — уже не человек. И подобные новации будут иметь гигантские последствия.

Дело не ограничивается только генетикой, на очереди вмешательства в мозг [2]. В целом же речь идет о коренной трансформации человеческой телесности и психики, о том, что получило название “улучшение человека”. Год-полтора назад Борис Григорьевич делал доклад в институте, и мы эти идеи обсуждали. Хорошая, вроде бы, вещь — улучшение человека. Люди на протяжении

нии всей своей истории мечтали стать лучше во всех отношениях: дольше жить, лучше думать, быстрее бегать. И вообще быть более “человечными”. “Новый человек” — это старая идея, еще христианская. И у нас в советские годы много писали о “новом человеке”. А в 90-е годы стали много писать о “конце утопии”: мы простились с коммунистической утопией, которая стремилась создать новое, более совершенное общество, и пора, мол, отбросить утопические бредни и исходить из реальности из того, каков человек на самом деле. А сегодня мы вступаем в мир нового утопизма. Появилась идея с помощью науки и техники создать сверхчеловека — “постчеловека” или “трансчеловека”. Но это же — новый вариант того, что мы уже проходили. Если посмотреть советскую литературу двадцатых годов, то увидите: идея трансформации человека была важным компонентом “советского проекта”. В двадцатые годы лидеры русского авангарда, оказавшего влияние на все мировое искусство, писали в своих манифестах: будем механически заменять части человека! В искусстве это принесло важные и интересные результаты [3]. Л.С. Выготский, классик нашей психологии, тоже искал пути создания нового человека [1]. А сейчас того же “нового человека” пытаются создать в виде “постчеловека” или “трансчеловека”. И неизвестно, что из этого выйдет и чем это кончится. Тут, конечно, опасности колоссальные: есть угроза, что в результате получится просто нечеловек.

Много говорят об “усовершенствовании”. Но, чтобы совершенствоваться, нужно знать, что есть “совершенство”. Нужно иметь ясные критерии. Чего мы хотим? Чтобы человек был умнее? Но в каком смысле? Мы все в каких-то отношениях умные, в каких-то других — совсем нет. Или, как

иногда говорится в литературе, нужно сделать человека более эмоциональным. Но разве это всегда хорошо? К тому же в разных культурах существуют разные представления о том, какие эмоции хороши, а какие дурны. Восточные и западноевропейские представления на этот счет весьма различны. Обозначенная проблема — не просто предмет дискуссий, это предмет практики. Хотелось бы сказать: это сумасшедшие, но этим занимаются и вполне достойные, серьезные люди. Так, члены Движения “Россия 2045” или “Проекта 2045” считают, что к 2045 году можно будет создать своего рода “аватара” человека, способного жить вечно. В данном случае может произойти то же, что и с проектами тотального “преобразования природы”, которые в конце концов привели к экологическому кризису. В обоих случаях мы не знаем всех тонких механизмов, но пытаемся вмешиваться с целью извлечь для себя пользу, не понимая до конца, чем это может обернуться. Здесь и огромные возможности, и огромные риски. Эти проекты нужно оценивать и теоретически, и практически, с точки зрения философско-гуманитарных критериев. Борис Григорьевич в последние годы как раз этим занимался, много писал об этом, делал доклады в Институте.

И в конце я хотел бы обратить ваше внимание еще на одну вещь. Сейчас часто говорят о “науках о человеке”, о том, что это — будущее всех наук. Я вспоминаю, как где-то в начале 70-х годов прошлого века Клод Леви-Стросс произнес знаменитую фразу: XXI век будет веком гуманитарных наук, наук о человеке, или этого века не будет. И сейчас его предсказание как будто сбывается: эти науки расцветают и открывают возможность каких-то новых выходов — но, как выяс-

няется, здесь кроются огромные риски, опасности. Что такое “науки о человеке”? Это когнитивные науки, это генетика, это так называемые *human sciences*. *Human sciences* — это не то же самое, что *humanities*, это не гуманитарные науки, это науки естественные, они таят и большие возможности, и большие опасности. Для философии сегодня, в известном смысле, настал звездный час. Философия предстает не просто как академическая дисциплина, но как дисциплина, имеющая большое практическое значение именно с точки зрения экспертизы. И занятия Бориса Григорьевича проблемами философско-гуманитарной экспертизы, которые, надеюсь, будут продолжены, — это, может быть, самое важное, что делает сегодня наука. Ведь передний край науки в целом сегодня — это именно науки о человеке.

Павел Дмитриевич Тищенко — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики Института философии РАН.

Философ постоянно пишет, воплощая себя, свой голос в своих произведениях. И если это произведение востребовано Другим как читателем, то происходит мистическое событие — возрождение голоса автора в читательских сознаниях. Читая и перечитывая близких (“любезных”, если вспомнить выражение Е. Баратынского) писателей, мы ведем с ними разговор, даже если они ушли из жизни. Так продолжается их жизнь, неизменная им самим — жизнь Платона, жизнь Аристотеля, Маркса — собеседников, к которым смерть причислила сейчас и Бориса Григорьевича. Я думаю, что в этом смысл нашего семинара. При этом забота о верном понимании оставшихся

после него текстов — это настройка нашего интеллектуального уха на слышание его голоса, оставшегося после него в тексте, а не своей отсебятины. Голоса спорящего, утверждающего, сомневающегося.

Борис Григорьевич не оставил после себя четко сформулированной философской системы, хотя, как вы знаете, он активно участвовал в системном движении в нашей стране и защитил кандидатскую диссертацию по кибернетической интерпретации процессов самоорганизации под руководством такого корифея системного движения, как В. Садовский. В его нынешней философской речи можно найти лишь следы системных влияний. Так, описывая динамику внешнего и внутреннего контуров технаучки, он использует метафору “положительной обратной связи”, благодаря которой производство знаний постоянно ускоряется. При этом подчеркну, что внесистемность не означает несистематичности. Просто системность эта — особого рода. Она проблемноцентрична. Он не написал ни одной книги без соавторства, но написал несколько сотен статей, опубликованных в отечественных и зарубежных философских и научных изданиях. То есть, ему никогда не было свойственно желание обобщить все то, что он исследовал, каким-то образом систематизировать, подвести под это философское основание

Мы с ним написали несколько совместных статей, но была одна, которая ему очень нравилась и получила немалый резонанс. Это статья для журнала “Клиническая и экспериментальная хирургия”, посвященная проблемам добросовестности науки [4]. Борис Григорьевич был чрезвычайно доволен тем обстоятельством, что первая статья в первом номере нового медицинского журнала по вполне конкретным медицин-

МЕРА ВСЕХ НАУК

Борис Григорьевич
Юдин (1943–2017)

ским проблемам была отдана философам. Это было действительно проявлением признания: философ не просто созерцает изменения, не просто описывает происходящее в науке — он служит своеобразным резонансным устройством, на которое настраивается подлинная наука.

В проблемноцентричном подходе — а я так интерпретирую основу философии Бориса Григорьевича — именно проблемы выступают гарантами связанности философских рассуждений, в то время как в предметоцентричной философии и науке эту роль играют общие понятия. И в последних исследованиях Бориса Григорьевича по философии и биоэтике мы видим постоянную обращенность к проблемам.

Если вы раскроете любой учебник по биоэтике, то, возможно, с удивлением обнаружите, что там нет или почти нет никаких окончательных рекомендаций, этических или иных предписаний. Вместо четких разъяснений что хорошо, а что плохо, там предлагается скрупулезный этико-философский, философско-антропологический анализ, иногда анализ сложной проблемы, не имеющей однозначных решений. За это

биоэтикам нередко приходилось выслушивать упреки от врачей и биологов. Проблемацентризм не дает готовых этико-правовых инструментов, он раскрывает глубину и сложность моральных проблем, показывает, как различные философские подходы раскрывают разные аспекты проблемы и предлагают разные возможные ответы. Благодаря этому читатель получает богатый этико-философский ресурс, а вместе с ним — возможность собственного самостоятельного и разумного выбора и тем самым — возможность собственного ответственного морального поступка. Задача состоит как раз в том, чтобы научить видеть сложность проблемы и понимать, что, предлагая конкретное решение, мы берем на себя определенную ответственность за последствия. То есть, в биоэтике присутствует определенный трагизм: она еще раз указывает на ограниченность человеческого разума и его способности отвечать на самые принципиальные вопросы. Поэтому можно сказать, что биоэтическое знание как таковое нацелено не на описание действий и поступков людей или их нормативную оценку, но на самую возможность моральных поступков, морального выбора. В этом смысле оно деятельно и практично.

Я хочу подчеркнуть еще один принципиально важный момент философии Бориса Григорьевича — его огромный, фундаментальный интерес к проблеме деятельности, проблеме мышления как деятельности. Интерес этот, конечно, не случаен. После смерти на его письменном столе в Институте философии я обнаружил изданную самим Борисом Григорьевичем книгу его брата Эрика, открытую на главе, посвященной пониманию как деятельности. На страницах есть пометки, которыми он выделял какие-то существенные моменты этого подхода.

Я вовсе не утверждаю, что философия Бориса Григорьевича Юдина есть прямое транслирование деятельности подхода в трактовке Эрика Григорьевича или в каких-то других трактовках. Но определенную тематизацию, определенное понимание Борис Григорьевич от своих старших товарищей, учителей унаследовал. Ему была свойственна аккуратность философского анализа и описания, он очень не любил жестких однозначных решений, чувствуя, что материал сложен и как только мы вводим какие-то конечные определения, мы моментально исключаем из поля рассмотрения что-то принципиально важное. Но с учетом этой оговорки я думаю, что определенные тематизации пришли в его творчество именно из его ранней философской юности. В определенном смысле — я понимаю, что могу навлечь гнев некоторых интерпретаторов, с которыми уже имел удовольствие обсуждать эти аспекты, — определенные тематизации идут и от Щедровицкого. Конечно, Юдин никогда не был “щедровитянином”, конечно, он никогда не разделял подход школы Щедровицкого и не занимался конструированием в том смысле, в каком его там понимают. Но, например, идея исследования природы не как описания, а как конструирования чего-то нового, неизвестного, человеческого, как конструирования искусственно — эта идея для него была очень важна, и у него есть специальная большая интересная статья, где он отдает долг памяти Щедровицкого и его идее искусственного.

Последняя статья, над которой мы вместе работали, была связана как раз с идеей совершенствования человека, с идеей создания человека как артефакта, как искусственного человека — Владислав Александрович нам об этом только что рассказы-

вал. Эти темы присутствуют в работах Бориса Григорьевича, и если мы хотим адекватно понять его творчество и философию, нужно учитывать эту трансляцию определенных тематизаций — еще раз подчеркну, с весьма существенными их трансформациями, прежде всего трансформацией личностного ответственного философствования. Нужно отдавать себе отчет в том, что эпоха 60-х годов, эпоха Щедровицкого, Ильенкова, Зиновьева и других корифеев того времени отделена от нас очень важным изменением в языке. Оно заключается в принципиальной демократизации философского языка. Умберто Эко как-то высказал мысль, что язык формируется и развивается в трех формах: как язык богов, язык героев и язык людей. Сильно схематизируя и упрощая историю советской философии, я могу сказать, что в какое-то время в философии доминировал “язык богов” — классиков марксизма-ленинизма, потом наступила эпоха, когда язык философии стал “языком героев” — Щедровицкого, Ильенкова, Зиновьева, Библиера и других. Но поколению Юдина досталась разработка нового философского языка, более демократичного. Это не язык учителей, это язык граждан, язык сотрудников, язык коллег. И я думаю, что это — огромнейшая заслуга поколения, к которому принадлежит Борис Григорьевич, и его самого как одного из наиболее ярких представителей этого поколения.

В заключение попытаюсь обобщить, что же такое философия Бориса Григорьевича Юдина. Хорошо понимаю, что сам Борис Григорьевич отнесся бы к этому с иронией: для него это выглядело бы абсолютно контрпродуктивным и было ему абсолютно неинтересно. Это вполне нормальная позиция, но все же наш долг — постараться понять то, что он хо-

тел сказать. Для начала процитирую фрагмент одной из его статей. “Что есть человек? ... развитие биомедицинских технологий делает этот извечный философский (а стало быть, как нередко считают, абстрактно-отвлеченный) вопрос вполне прагматическим, вопросом нашей повседневной жизни” [6, с. 105]. За этим стоят вполне конкретные события в медицине, на которые постоянно обращал внимание Борис Григорьевич, в частности, первая пересадка сердца, проведенная 50 лет назад. Операция поставила вопрос “А что такое смерть?”. На этот вопрос философы, богословы, представители других интеллектуальных традиций могли бы дать свои фундированные, фундаментальные ответы. Но оказалось, что современная культура, современная цивилизация не склонна принимать такие фундаментальные ответы как окончательные. Такие принципиальные экзистенциальные моменты существования человека, как начало жизни, конец жизни, отношение к животному, отношение к технике — во всех этих предельных моментах человек определяет себя, можно сказать, “по договоренности”. Общество через различные формы обсуждения приходит к выводу: будем считать, что человек начинается тогда-то. И это открывает принципиальную возможность применять к тем формам человеческого существования, которые не попадают в разряд “человеческого”, определенные технологии. Иными словами, философ соучаствует в дефинировании таких моментов, как начало жизни или смерть или в определении других предельных параметров. Он, фактически, дает или не дает санкцию на определенные манипуляции с человеком. А это радикально отличается от классических этических или философских исследований. Биоэтика занимается

практическими вопросами, и Борис Григорьевич говорит: мы отвечаем на вопрос о человеке практически, то есть участвуем в определении границ, а значит, в решении вопроса о допустимости или недопустимости тех или иных технологий.

И в заключение хочу описать “философию человека” Бориса Григорьевича Юдина, воспользовавшись знаменитой кантовской триадой вопросов. Ответ на вопрос, касающийся возможности знания: “Что я могу знать?” — еще раз подчеркну, я использую это метафорически, а не в прямом кантовском смысле — можно найти, конечно, в его многочисленных работах по философии науки, но главное, в серии статей о технауде. В его понимании, как он пишет, двух контуров современной науки. Наука производит знания, но одновременно у нее есть контур взаимодействия с социумом, в котором она производит нормы и социальные ценности. То есть ответом на вопрос “Что я могу знать?” является его “технауде”. Ответ на вопрос “Что я должен делать” — это уже упоминавшаяся в моем выступлении биоэтика как особая форма исследования, особая наука, имея в виду, опять же, ее специфическую тематическую близость к “технауде” по той простой причине, что биоэтика не дисциплинарна. Так называемый “принцип Ричардсона” гласит: “Биоэтика может начать с любой самой отвлеченной формулировки, но последний аргумент ее должен быть понятен человеку с улицы”. Вот эта сложность, гетерогенность в производстве знаний — принципиально важная отличительная черта биоэтики. И, соответственно, ответ на упомянутый вопрос “Что я должен делать?” отсылает не только к биоэтике, но и к последующим разработкам Бориса Григорьевича — социогуманитарной экспертизе

и социогуманитарному сопровождению инновационных технологий. И, конечно, “На что я могу надеяться?”. Это принципиальный вопрос и, я думаю, ответ, предлагаемый философией Борис Григорьевича, тоже достаточно принципиален. Мы можем надеяться, мы можем иметь шанс на какое-то будущее, только если будем разумно и демократично обсуждать все проблемы и вове­мя, проактивно диагностировать не только риски для здоровья человека, но и риски моральные, риски для его интеллектуальных возможностей, риски для его разума. Мы можем надеяться только на науку, на человеческий разум, правда, понимаемый достаточно широко — в это понятие включается не только познание, ориентированное на истину, но и профанное сознание, ориентированное на прагматические ценности.

Вячеслав Семенович Степин — доктор философских наук, профессор, академик РАН, почетный директор Института философии РАН.

Множество проблем, над которыми работал Борис Григорьевич, как бы стягиваются к кардинальной философской проблеме, артикулированной еще Кантом: “Что есть человек?”. Сейчас мы понимаем, что Кант мыслил еще в традициях классической науки и классической философии и думал, что, написав три “Критики”, можно написать и четвертую, содержащую ответ на вопрос, что же есть человек. Но выяснилось, что это трудно. Даже если ты правильно схватил идеи границ познания и особенностей познания, ответил на вопросы “Что я должен делать?” и “На что я смею надеяться?”, — все равно ответить на вопрос “Что есть человек?” сразу не получается. Потому что сам человек — развивающаяся

система, и на каждом этапе его развития постоянно будут возникать новые ответы на эти вопросы. И наука как человеческое деяние — тоже саморазвивающаяся система и тоже каждый раз выступает в новом обличии. И этика, и система ценностей общества, то есть культура, — все это развивающиеся объекты. Отсюда не следует, конечно, что поставленный Кантом вопрос в принципе не требует ответа. Наоборот, нам каждый раз бывает необходимо к нему возвращаться и на каждом новом этапе давать разные ответы, может быть, с поглощением, ассимиляцией того, что было сделано ранее. И тогда нужно сказать, что знаменитая кантовская триада и сам вопрос “Что есть человек?” — это обозначение, если угодно, фундаментальной проблематики философии. Это то, что лежит в основе любого философского дискурса. Чем бы философия ни занималась, она так или иначе отвечает на эти вопросы.

На вопрос, что есть человеческое познание с современной точки зрения, где пролегают его границы, мы должны ответить: познание есть особый феномен культуры, особое состояние социальной жизни людей, особая система знаний, которая будет постоянно развиваться. И попытаться понять, как она развивается, — это и было, по существу, основной идеей поисков Бориса Григорьевича. А ответ на вопрос “Что есть человек?” должен быть не результатом исследования, а его исходным пунктом. Только исходя из него можно решать все эти проблемы. Но решив их, получив определенный результат, мы снова возвращаемся к исходному пункту, снова задаем этот вопрос, внося в ответы новое понимание, новые знания. И этот цикл будет повторяться постоянно. А если он остановится, философия прекратится вместе с ним.

Мы с Борисом Григорьевичем много раз к этому возвращались, и пришли к общему пониманию: в исходном мотиве любого познавательного акта, любого практического действия, любой явной или неявной системы ценностей лежит представление о том, что есть человек, как он живет, как он действует в этом мире и как познает этот мир. К этому вопросу каждый раз приходится возвращаться заново, с обогащением и содержания самого вопроса, и ответа на него. В этом, наверное, и есть задача философского дискурса. Борис Григорьевич очень много сделал для развития подобного понимания и для современного понимания познания. Он одним из первых стал анализировать те особенности современной науки, которые я, например, сейчас в своих работах фиксирую как особый тип рациональности — постнеклассическую рациональность. Это направленность науки на исследование саморазвивающихся человекообразных систем, в которые человек сам постоянно включается, становясь их частью. Для исследования такого рода объектов как раз и характерно соединение технологической и научной проекций.

В современных исследованиях саморазвивающихся систем, особенно в области медицины, биологии, да и в исследовании физико-химических процессов, одновременно с раскрытием закономерностей такой системы как внешнего объекта часто возникают и новые технологии. Они могут быть включены в саму организацию эксперимента, в сами знания о системе. Это — то, что Борис Григорьевич фиксировал как “технонауку” и постоянно анализировал. У такого рода систем есть еще ряд интересных особенностей. В частности, внутреннего этоса науки еще недостаточно для их освоения. Внутренний этос

науки всегда был основан на двух принципах, которые фиксировали природу самого научного знания. Первое: наука должна изучать мир как объект, изучать его объективно, предметно, открывать законы изменения и функционирования объектов. Второе: наука не ограничивается исследованием только тех объектов, которые уже освоены практикой или в принципе могут быть освоены на данном этапе развития цивилизации. Она начинает зондировать возможности самой деятельности человека по изменению мира, возможности его вторжения в новую предметную область, она открывает человечеству новые предметные миры. И в этом смысле она всегда нацелена на изменение своих собственных предметных областей. Из этих принципов следуют два императива в этосе науки, два условия науки. 1. Не грешить против истины, ты можешь ошибаться, но не имеешь права умышленно искажать истину, ты должен быть объективен. 2. Ты должен не просто фиксировать объективно истинное знание, ты должен наращивать его, ты должен постоянно фиксировать новизну. И отсюда два запрета: на умышленное искажение истины и на плагиат.

Но наступил момент, когда оказалось, что этого этоса уже недостаточно, что это — необходимое, но недостаточное условие для эффективной научной деятельности. Борис Григорьевич одним из первых обратил на это внимание и убедительно показывал объективное значение социально-этической экспертизы. Ведь в таких системах всегда есть несколько сценариев развития. И если одним из их элементов является человек, то некоторые сценарии могут быть опасны для человека, рискованны, могут грозить необратимыми последствиями. Такие сценарии как раз

и обозначаются через этическую экспертизу и блокируются через дополнительную этическую регуляцию.

Борис Григорьевич затратил много времени и сил на изучение структуры этической экспертизы научных программ и проектов. Еще в прошлом году мы договорились, что он совместно с нашими западными коллегами подготовит обзор существующих работ по социально-этической экспертизе биомедицинских проектов. И то, что он успел сделать, — это краеугольный камень, на который мы можем опираться.

То, о чем я говорил, — это лишь малая часть сделанного Борисом Григорьевичем. Как человек, отдавший в свое время много сил системному анализу, он вовремя почувствовал, что нужен второй цикл системного анализа. На Западе сегодня отмечают, что “классическая” кибернетика, “Кибернетика–1”, — это системный анализ саморегулируемых систем, которые можно изучать, абстрагируясь от их дальнейшей эволюции и развития. Но есть второй тип систем — саморазвивающиеся, в которых тоже проявляются законы самоорганизации. Это особые системы, и при их изучении как раз и проявляется человекообразность, необходимость дополнительной этической регуляции, социально-этической экспертизы программ и проектов. И этот пласт работ Бориса Григорьевича, особенно работ по структуре социально-этической экспертизы, будет иметь ту самую “технологическую проекцию”, о которой он писал, анализируя современную науку как знание о таких системах.

Многие идеи, которые разрабатывал Борис Григорьевич, сегодня неожиданно приобретают новую актуальность. Это значит, что он работал с опережением, рабо-

тал как настоящий философ. Его труды в сфере этики науки, в сфере технауки предвосхищали тот вектор развития научного знания, который стал выявляться уже в XXI веке, хотя начал он об этом писать где-то в последней трети XX столетия, за тридцать лет до того, как упомянутые проблемы обозначились. В этом отношении он был действительно настоящий философ, ученый, человек, который умел найти новое

Человек остается после смерти, если то, что он сделал, остается в культуре, входит в культурную традицию. И Борис Григорьевич внес такой вклад и, наверное, продлил этим свою земную жизнь.

Литература

1. *Выгодский Л.* Социалистическая переделка человека // Человек. 2016. № 4.
2. *Махиянова Е.Б.* Проект “Человеческий мозг” // Человек. 2013. № 4.
3. *Попова О.В.* Антропологические проекты авангарда и трансгуманизма // Человек. 2014. № 6.
4. *Тищенко П.Д., Юдин Б.Г.* Проблема добросовестности в научных исследованиях // Клиническая и экспериментальная хирургия. Журнал имени академика Б.В. Петровского. 2013. № 1.
5. *Фролов И.Т., Юдин Б.Г.* Этика науки. Проблемы и дискуссии. М.: Политиздат, 1986. 399 с. (серия “Над чем работают, о чем спорят философы”).
6. *Юдин Б.Г.* Границы человеческого существа как пространства технологических воздействий // Вопросы социальной теории. 2011. Т. 5.
7. *Юдин Б.Г.* Редактирование человека // Человек. 2016. № 3.

(Окончание следует)

Материал подготовил Л.А. РЕЗНИЧЕНКО © 2017